

И.В. ФОМИН, М.В. ИЛЬИН

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ТРАЕКТОРИИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ¹

Аннотация. В статье очерчены основные тенденции развития социальной семиотики в последние четыре десятилетия ее существования. Отправной точкой стал интерфейс функционального анализа семиотической системы языка и структурной интерпретации языка как социальной системы. Их сближение послужило основой для дальнейшего развития междисциплинарной области социальной семиотики. Книга Майкла Халлидея «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения» (1978) дала первоначальный толчок к исследованию взаимодействия семиотического и социального. Десять лет спустя его подход был переосмыслен Бобом Ходжем и Понтером Крессом в работе «Социальная семиотика» (1988). Они предположили, что двойная — как социальная, так и семиотическая — природа языка имеет более широкое значение и охватывает всю сферу человеческой деятельности и существования. Таким образом, социальная семиотика (в единственном числе) языка была усилена до всеобъемлющей социальной семиотики (во множественном числе). Далее в статье рассматриваются лингвистическое как социосемиотическое, семиотическое как социальное, семиотическое как мультимодальное, социосемиотическое как функциональное, интерпретативное как социосемиотическое. В статье намечены две границы социальной семиотики: предметная и методологическая. Наконец, в статье рассматриваются актуальные проблемы социальной семиотики, в частности те, которые актуальны для социологии.

Ключевые слова: социальная семиотика; мультимодальность; междисциплинарность; дискурс; социальные практики; социальное взаимодействие; социальные исследования.

Для цитирования: Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6822

«Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от

Фомин Иван Владленович — кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2.

Телефон: +7 (499) 124-37-83. **Электронная почта:** fomin.i@gmail.com

Ильин Михаил Васильевич — доктор политических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель, Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Телефон:** +7 (495) 771-32-32.

Электронная почта: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01536).

наук физических и биологических», — писал в 1938 году американский философ Чарльз Моррис в своей работе «Основания теории знаков» [10, с. 38]. По мнению Морриса, именно семиотике предназначено стать «математикой» наук об обществе — унифицирующим инструментом изучения любых явлений, имеющих знаковую природу.

Спустя почти семьдесят лет авторы статьи вместе со своими коллегами В.С. Авдониным и К.П. Кокаревым обсуждали сходный вопрос о возможности выявления претендующих на всеобщность методов или, как мы их назвали, *трандисциплинарных органов* научного познания. Математика и семиотика сразу заняли место среди претендентов на статус трандисциплинарных органов. Однако научная строгость заставила максимально расширить этот список и провести пилотную оценку возможностей и ограничений каждого из претендентов. Их общее число достигло примерно двух десятков, включая логику, эпистемологию и когнитивизм с одной стороны, а также структурализм и теорию систем с другой. В конечном счете проверка путем соотнесения методологических умений с базовыми когнитивными способностями, их насыщения и очищения позволила остановиться на трех органах. Прежде всего это *метретика*, которая включает вычислительную математику и статистику, а также развивает способность ранжировать ощущения, устанавливать меру и т. п. Она применима к изучению любых материально-энергетических феноменов и явлений. Далее следует *морфетика*, пронизывающая морфологические и сравнительные исследования, а также использующая различие образов. Она подходит для исследования форм организации и самоорганизации, включающих достаточно сложные материальные структуры (планетарные системы, кристаллы и т. п.), но особенно формы жизни и, конечно, социальности. Наконец, это *семиотика*, которая связана с коммуникативными исследованиями и с человеческой способностью надеяться человеческие миры смыслами, а также может изучать информационные процессы и (само)организацию в живой и неживой природе [16; 4].

Реконструируемая связь между базовыми человеческими способностями и изошренными исследовательскими техниками позволяет лишь очертить познавательный потенциал трандисциплинарных органов. Их фактическое соединение с исследовательскими практиками остается зыбким, а порой даже проблематичным. Прямо общие методологические принципы и установки в предметные исследования не переносятся. Требуется выработка технических приемов, специально «заточенных» под наличную фактуру и исследовательские вопросы. Используемые же методы и методики зачастую образуют полученную путем проб и ошибок амальгаму методологических установок и приемов самого разного свойства. Вот и получается, что масштабные устремления, начиная с моррисовских и кончая нашими собственными, сделать семиотику методологическим стержнем всех социально-гуманитарных наук обречены оставаться «идеями на вырост» до тех пор, пока в отдельных дисциплинах не будет проделана масштабная работа, которая постепенно заполняет лакуну между теоретико-методологической рамкой семиотики и конкретными предметными исследованиями.

Ситуация остается сложной. У методологов нет времени, ресурсов и готовности довести свои разработки до систематического применения в массовом изучении конкретных явлений. Равным образом те же самые ограничения не позволяют предметникам систематически рафинировать

свои приемы изучения конкретной фактуры до отчетливости трансдисциплинарных органов. Извечная проблема нелегкого соотношения предмета и метода проявляет себя самым ярким образом.

Не все, однако, так плохо. Семь десятков лет прошли не зря. Прежде всего сама семиотическая рамка, доведенная Моррисом до высочайшей степени операционной отчетливости, существенно уточнена, дополнена и, главное, приспособлена для изучения более широкого круга научных проблем. В результате создания новых отраслей семиотики — зоо- и био-семиотики, а также киберсемиотики и информатики, прежнее ограничение «от наук физических и биологических» сменилось на довольно интенсивное взаимодействие с ними.

В данной статье речь пойдет о взаимодействии семиотики с социальными науками уже не как о желательном, а как о вполне состоявшемся опыте. Конфликт между предметом и методом еще далек от полного разрешения, но уже найдены паллиативные решения, которые способны стать примерами постепенного, но уверенного приращения познания. Один из ярчайших примеров дает так называемая *социальная семиотика* (social semiotics).

Отсчет существования этого научного направления можно вести с момента публикации в 1988 году книги Боба Ходжа и Гюнтера Кресса «Социальная семиотика» [39]. Однако основу и рамку самой идеи социальной семиотики создал их учитель, выдающийся языковед Майкл Халлидей². Он пошел дальше привычных трактовок общества и языка как взаимосвязанных, но рядоположенных явлений. Одно — предмет изучения социологов, а другое — лингвистов. Язык является средством социального взаимодействия, а общество — его лоном. Само их существование — неразрывное единство взаимно дополняющих и обеспечивающих друг друга начал человеческого бытия — социальных и семиотических. Эта концептуализация возникла как результат синтеза идей из области критических социологических теорий (в первую очередь — марксизма) и системно-функционального подхода к изучению языка и других форм коммуникации.

Социальное как языковое и семиотическое

Майкл Халлидей и его младшие коллеги, разумеется, не были первыми, кто поставил вопрос о связи между социальными структурами и способами общения. Один из самых важных шагов в этом направлении был сделан Людвигом Витгенштейном, который удачно сформулировал в своих «Философских исследованиях» фундаментальную установку о связи между «языковыми играми», формами языков и «формами жизни» [57, §18, §23]. Также важнейшую роль в том, чтобы связать языковое с социальным, сыграл Фердинанд де Соссюр, предложивший концепцию языка как «социального факта» [53, р. 21] и «социального института» [53, р. 32] — как того, что существует в полной мере только как «сокровище», принадлежащее сообществу [53, р. 30]. Ему же принадлежит и идея семиологии — общей науки, изучающей «жизнь знаков в рамках жизни общества» [53, р. 33].

² В 2018 году, к сорокалетней годовщине выхода книги Майкла Халлидея «Язык как социальная семиотика» и к тридцатилетней годовщине появления «Социальной семиотики» его последователей Боба Ходжа и Гюнтера Кресса, нами были опубликованы два коротких текста об истории и перспективах социальной семиотики [6; 7], которые и легли в основу настоящей статьи.

Развивая наработки Витгенштейна и де Соссюра, многие исследователи в XX веке существенно продвинулись в описании и объяснении того, как сопряжены друг с другом некоторые формы языкового и социального. Было установлено, как языковые формы становятся формами социального действия [19; 55 и др.]. Появилась целая плеяда социальных философов структуралистского и постструктуралистского толка — так или иначе обращающаяся к соссюрской проблеме «жизни знаков в рамках жизни общества» [20; 28 и др.]. Наконец, возникла обширная россыпь разнообразных подходов к анализу дискурсов, фокусирующихся на том, как социальные обстоятельства ограничивают и предопределяют способы использования языка и как язык поддерживает социальные структуры и властные отношения [26; 44 и др.].

Несмотря на эту активную работу в точках пересечения социологического и семиологического знания, сегодня прогресс в этой области оказывается весьма неравномерным. Получен целый ряд важных результатов и высказано множество ярких идей, однако задача систематического изучения отношений между формами коммуникации и формами общественной жизни фактически еще только начинает решаться. Именно в этом контексте нам представляется важным обратить внимание на инструментарий социальной семиотики. Это перспективная точка роста трансдисциплинарного знания о социальном как семиотическом и о семиотическом как социальном. Мы постараемся показать, в чем именно состоит интеграционный потенциал фундаментальных работ социальной семиотики³, хотя и не ставим своей задачей дать обзор основного корпуса ее достижений. Скорее мы сосредоточимся только на тех ключевых шагах, которые способствовали преодолению этой дисциплиной предметных границ и интеграции методологических рамок на пересечении социального и семиотического. Мы постараемся проследить, как происходило это продвижение, и покажем, что каждый новый этап этого пути открывал и новые вызовы. Мы также предпримем попытку наметить возможные траектории дальнейшей интеграции социологического и семиотического аспектов обществоведческого знания.

Языковое как социосемиотическое

Первым шагом к формированию социальной семиотики как самостоятельного исследовательского направления можно считать опубликованную в 1978 году книгу Майкла Халлидея «Язык как социальная семиотика: Социальная интерпретация языка и значения» (*Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*) [35]⁴. Она открывается установкой на систематическое рассмотрение языка как социального факта (*social fact*), а не только как знаковой системы. При этом, однако, Халлидей признавал, что трактует соссюрскую формулу о языке как социальном факте несколько в ином ключе. Он, в частности, вспоминал определение своего учителя Джона Руперта Фёрса (*Firth*) о конкретном языке определенного сообщества как о «некой функции разговаривающих масс, сохраненной и преобладающей в коллективном сознании» (*the language of the community, a function of la masse parlant, stored and residing in the conscience collective*) [35, p. 1].

³ Мы сосредоточимся на традиции социальной семиотики, идущей от Майкла Халлидея, оставляя за пределами рассмотрения семиотическую теорию Чарльза Пирса [49; 50].

⁴ См. также более ранние работы Халлидея: [33; 34].

Тем самым Халлидей выявил новый предмет изучения, лежащий на пересечении социологических и лингвистических наук. Этим предметом стали функциональные и смысловые стороны социальной жизни людей, как они проявляются в человеческом общении и языке. Именно этот предмет изучения Халлидей называет *социальной семиотикой*. Она предстает как соединение знаковой системы и речевой деятельности с социальной системой и практикой. Халлидей подчеркивает, что «язык таков, как он есть, в силу функций, которые он развил дабы служить людям в их жизни» (Language is as it is because of the functions it has evolved to serve in people's lives) [35, p. 4]. Сущность не только языка, но всей жизни людей, отмеченной его использованием, проникнута тремя метафункциями: идеационной (ideational) функцией языка как средства репрезентации мира, межличностной (interpersonal) функцией языка как средства участия и действия, текстовой (textual) функцией языка как операционального средства для производства связанных и контекстуально релевантных сообщений.

Системно-функциональный подход Халлидея строится на различении аналитических типов коммуникативных ситуаций. Оно позволяет выводить собственно речевую практику в пространство социальной, а затем возвращать ее снова в языковую сферу. Это различение строится на трех основаниях: во-первых, что происходит, во-вторых, кто принимает участие, в-третьих, какую роль играет язык. Эти три переменных, взятые вместе, определяют *регистр* (register) или *диатип*, то есть область значений и средств выражения, определяемых ситуацией. Сами по себе социальные контексты имеют, по Халлидею, три измерения: *поле*, *тональность*, *модус* (field, tenor, mode) [35, p. 31–35, 61–64]. Эти измерения в основном соответствуют трем упомянутым языковым метафункциям [35, p. 47–56 и далее].

Под *полем* (field) Майкл Халлидей понимает предметную сферу общения. Это не только тематика собственно речи, но и вся область социального опыта, к которой относится тот или иной текст. *Полям* могут быть, например, «семейная жизнь», «медицина», «политика» и т. д. Тут для социологов просто напрашиваются параллели с различными отраслями социологии.

Тональность (tenor) касается отношений между участниками общения. Она характеризует «дух», смысл и стилистику отношений через их диспозицию — в идеале через степень формализованности этой диспозиции. Могут учитываться такие показатели, как наличие / отсутствие старшинства и иерархии, степень знакомства, сходство / различие по личностным характеристикам. Сюда же относится дифференциация типов коммуникативных актов, каждый из которых подразумевает закрепление за общающимися различных ролей («спрашивающий — отвечающий», «просящий — дающий», «утверждающий — соглашающийся» и т. д.).

Модус (mode) характеризует каналы общения. Это средства и способы взаимодействия: устные или письменные, вербальные или невербальные, подготовленные или спонтанные, с микрофоном и записью или нет, очные или заочные, более или менее интерактивные (предполагающие разную степень активного соучастия нескольких общающихся, при котором они передают активный «ход» друг другу) и т. д. В частности, модусы общения оказываются разными в зависимости от того, происходит ли общение в бумажном письме, в интернет-мессенджере, в телефонной беседе или на очном совещании.

Признание тесной взаимозависимости между структурами языка и общества [32; 35; 34; 36], ставшее ключевым основанием социальной

семиотики, фактически равнозначно установлению изоморфизма социальных и языковых структур. Именно этот изоморфизм позволяет делать социальные структуры осмысленными и содержательными, а лингвистические структуры социально действенными. В этом основное отличие концепции Халлидея от привычных констатаций единства языка и общества. Язык не просто существует в обществе, а общество консолидируется языком. Они суть два способа, модуса проявления единой действительности (это впоследствии и послужило развитию исследований мультимодальности). Однако структуры языкового и социального планов совпадают далеко не полностью, что позволяет каждому из планов сохранять свою специфику. В каждом из планов есть немало таких элементов, которые не соотносимы однозначным образом с явлениями противоположного плана. Вслед за Луисом Ельмслевом (он впервые выделил планы выражения и содержания в языке [38; 3]) такие несовпадения можно охарактеризовать как их *неконформальность*, а сами несовпадающие единицы как *фигуры*. Для лингвиста это означает, что определенные социальные структуры могут оставаться в плане выражения и не получать никакого соответствия в плане содержания. Для социолога отдельные языковые структуры также останутся лишь выражением, например маркерами социальных явлений, но не приобретать при этом содержательной социологической нагрузки.

В конечном счете самым важным для социальной семиотики достижением Халлидея стала предложенная им трактовка языка как социального явления, а не только как знаковой системы. Ему удалось показать, что язык как явление и тем самым коммуникационная практика — это не только знаковый, но и социальный феномен. Однако это важное достижение имело существенные ограничения: работа Халлидея была проведена почти исключительно на языковом материале. Он показал, что многие функции языка социальные, но институциональные аспекты фактически остались в тени.

Семиотическое как социальное

Халлидей использует термин *социальная семиотика* преимущественно для обозначения предмета системно-функциональных исследований. Особую междисциплинарную область выделили в 1988 году уже ученики Халлидея — Боб Ходж и Гюнтер Кресс — в книге «Социальная семиотика» (Social Semiotics) [39]. По-русски это различие передать трудно, но и в самой форме используемых терминов между Халлидеем и его последователями есть расхождения. В заглавии книги Халлидея (Language as Social Semiotic) английское слово semiotic («семиотика», «семиотический») стоит в единственном числе. Более точным вариантом перевода была бы, вероятно, формула «Язык как социальное семиотическое явление». В работе же Ходжа и Кресса то же слово употреблено уже во множественном (semiotics). Такое словоупотребление, во-первых, переключается с английскими названиями некоторых научных дисциплин (mathematics, economics, physics и т. п.), а во-вторых, показывает, что авторы выходят за пределы халлидеевской лингвистической проблематики⁵.

⁵ Помимо отмеченных различий единственного и множественного числа есть немало других. На это в общении с нами и С.Т. Золяном указывали авторы «Социальной семиотики». В своей новой статье С.Т. Золян фиксирует некоторые из этих пояснений и цитирует письма как Б. Ходжа, так и Г. Кресса [58].

В своем разворачивании социальной семиотики Ходж и Кресс переносят акцент на трансфер знаний между дисциплинами и на конвергенцию соответствующих методологических традиций. В поле их зрения оказываются пресечения таких областей, как лингвистика и политология, психология и социология, системные и когнитивные исследования, то есть семиотики и всего комплекса социальных наук. Соответственно книгу Ходжа и Кресса можно и нужно рассматривать как первый шаг по формированию новой конвергентной традиции мультидисциплинарных исследований.

Определяя предметную область социальной семиотики, Ходж и Кресс отнесли к ней главным образом сферу антропосемиозиса (*human semiosis*), «как явления, которое по самой своей сути (*inherently*) социально» [39, р. 261]. Тем самым они на новом уровне проработки продолжили и дали развитие идеям Чарльза Морриса, который отмечал, что общее свойство предметов всех гуманитарных и общественных наук состоит в том, что эти предметы семиотичны [10, с. 38]. Ходж и Кресс, по сути, продолжили эту мысль, развернув ее в обратную сторону, не от социальных наук к семиотике, а от семиотики к социальным наукам.

Что касается аналитического инструментария, которым предлагают пользоваться Боб Ходж и Гюнтер Кресс, то здесь важно обратить внимание на категории *миметического* и *семиозического планов*, которыми пользуются авторы книги, препарирруя социосемиотические феномены, вычлняя в них референциальную и социальную составляющие [39, р. 262]. Каждый такой феномен указывает на определенную версию реальности — в этом суть *миметического плана* (*mimetic plane*). В то же время такой феномен еще и предполагает определенное семиотическое событие, объединяющее отправителя, получателя сообщения и используемые ими знаки. Это Ходж и Кресс называют *семиозическим планом* (*semiosis plane*). Данная дихотомия напоминает различение *идеациональной* и *межличностной* языковых метафункций у Майкла Халлидея, а также разделение *семантики* и *прагматики* в семиотической систематике Чарльза Морриса [10].

Основой для рассуждений Ходжа и Кресса во многом послужило марксистское понимание социальной динамики — осмысленное в том числе через призму теорий Михаила Бахтина, Антонио Грамши и Луи Альтюссера. В категориальном аппарате социальной семиотики поэтому довольно отчетливо выражены критические установки анализа. Согласно концепции Ходжа и Кресса, социальные взаимодействия в рамках семиотических актов конституируются двумя противоположными и вместе с тем комплементарными видами отношений — отношениями *власти* (порядка и субординации) и отношениями *солидарности* (когезии и антагонизма) [39, р. 266]. Этим принципам, по Ходжу и Крессу, подчинены все знаковые системы в человеческом обществе.

Системы правил, предписывающих, в каких ситуациях какие сообщения должны отправляться (режим производства смыслов) и получаться (режим рецепции смыслов), именуется в социальной семиотике *логономическими системами*. Так Ходж и Кресс моделируют взаимодействия между социальными группами. В их понимании подобные системы (которые сами по себе наборы сообщений) генерируют и используют комплексы правил, создающих или актуализирующих условия для коммуникации и семиозиса. Прежде всего это касается образования и интерпретации смыслов: 1) кто

имеет право формировать, передавать или знать, понимать значения, 2) что обозначается, 3) каковы обстоятельства обозначения, 4) каковы модусы обозначения (как, когда и почему нечто обозначается) [39, р. 4].

Нелегко определенно ответить на вопрос, к какой сфере относятся логономические системы: социальной, языковой или более широкой коммуникативной сфере. К сфере адаптации, целедостижения, интеграции или латентного поддержания образцов, если обратиться к более строгой терминологии Парсонса? Четкий ответ затруднителен. Дело в том, что логономические системы — это своего рода связки между различными аналитическими сферами человеческого существования. Они обеспечивают конвертацию между символическими посредниками.

Фактически в книге Ходжа и Кресса логономическим системам соответствуют логономические практики как своего рода сквозные потоки связывания человеческих взаимодействий в целостные события и эпизоды существования. Возникает естественный вопрос: зачем вводить новое понятие? Нельзя ли ограничиться привычными для лингвистов категориями лингвистической прагматики? Казалось бы, аппарат лингвистической прагматики, включающий наклонения, косвенную речь и прочие маркеры коммуникативных ситуаций и взаимодействий, достаточен для анализа. Ответ заключается в том, что как раз интегральный и междисциплинарный характер социальной семиотики потребовал обновления терминологии этой новой сферы комплексного изучения целостных жизненных практик и лежащих в их основании столь же комплексных правил, институтов и систем.

Боб Ходж и Гюнтер Кресс в «Социальной семиотике» совершают сразу два важных шага в становлении и развитии социальной семиотики как одной из ключевых трансдисциплинарных методологий. Первое их достижение состоит в том, что все «человеческое» (не только язык) объявляется семиотическим и именно из этой позиции происходит выстраивание всей новой аналитической рамки. Второе — в том, что разные стороны социальных взаимодействий оказываются представлены как семиотические модусы. Однако, заявляя это, Ходж и Кресс не проходят по начатому пути до конца. Фактически в их работе модусы оказываются редуцированы до привычных коммуникативных практик. А непривычные коммуникативные практики типа властных, хозяйственных и прочих «прямых», как бы и не коммуникативных взаимодействий, фактически выносятся за скобки.

Семиотическое как мультимодальное

Ходж и Кресс последовательно и решительно делают предметом социосемиотического анализа дискурсы, куда вербальные тексты вплетены наряду с другими символическими образованиями — визуальными, звуковыми, тактильными и т. д. Таким образом, авторы «Социальной семиотики» выходят за пределы рассмотрения и анализа текстов в узком, лингвистическом, значении этого термина. Соединение различных способов или модусов социальной коммуникации становится важной находкой Ходжа и Кресса. Собственно, отсюда берет начало важнейшее научное направление, получившее название *мультимодальность* [43; 42; 23; 41].

Мультимодальности в сфере комплексных социально-гуманитарных исследований всего около двух десятилетий, хотя вопросы о принципах перекодирования и комбинирования разных систем коммуникации ставил еще А.А. Реформатский [13]. Исследования мультимодальности осуществляются

сегодня в рамках широкого спектра теорий и методологий, и социальная семиотика при этом зачастую рассматривается как лишь один из таких подходов.⁶ В числе других наиболее заметных методологических направлений важное место занимает *мультимодальный разговорный анализ*. Этот подход возник как мультимодальная версия этнометодологического разговорного анализа, который нацелен на исследование структурной организации вербальных взаимодействий с особым вниманием к порядку и механизмам перехода роли спикера от одного общающегося к другому [52]. Впоследствии Чарльз Гудвин и другие исследователи использовали данный подход, анализируя повседневные социальные взаимодействия на основе видеозаписей, что позволило добавить к исследованию порядка вербальных высказываний анализ изменений направления взгляда во время разговора [30].

Для мультимодальной разновидности разговорного анализа одним из центральных принципов стал принцип взаимной разработки различных семиотических ресурсов. Как пишет Чарльз Гудвин, «сам по себе каждый набор семиотических ресурсов неполон и частичен, однако соединяясь вместе в локальных контекстуальных композициях действия (*local contextures of action*), разнообразные семиотические ресурсы уточняют и разрабатывают (*elaborate*) друг друга, чтобы произвести целое, которое и больше любой из его составных частей, и отлично от них» [29, р. 2]. При этом подчеркивается также «взаимно конституирующее отношение между действиями и локальным материальным окружением» (текстами, инструментами и технологиями) [37, р. 169]. Важно не только *последовательное*, но и *одновременное* разворачивание действий. Особое внимание при этом уделяется тому, как люди координируют собственные действия с действиями других [41, р. 93]. При этом наряду с категорией *мультимодальности* используется категория *мультиактивности* (*multiactivity*), понимаемая как сплетенность и ко-релевантность различных видов деятельности в социальном взаимодействии [31; 41, р. 95].

Важное место в ряду подходов к изучению мультимодальности занимает *системно-функциональный мультимодальный дискурс-анализ* (СФ-МДА). В основу этого направления легли наработки системно-функциональной лингвистики. В отличие от Ходжа, Кресса и их последователей, которые не ограничиваются халлидевской систематикой метафункций, представители СФ-МДА склонны строго придерживаться системно-функционалистской традиции. В частности, система кодирования СФ-МДА строится на наборе метафункций Халлидея [46].

Еще одно важное и динамично развивающееся направление мультимодальных исследований — это *корпусный анализ мультимодальных текстов*. Такого рода исследования, как правило, используют в качестве отправной точки системно-функциональные и социосемиотические подходы к мультимодальности, делая, однако, ставку не на углубленный качественный анализ отдельных показательных случаев, а на проверку гипотез на основе количественных исследований корпусов мультимодальных данных [21; 22].

Также в ряду разнообразных подходов к изучению мультимодальности можно отметить ряд синтетических направлений, таких как *геосемиотика* (мультимодальный анализ дискурсов места, развивающийся на стыке лингвистической антропологии, спациональной семиотики (*place semiotics*) и социосемиотики) [54], *мультимодальный анализ социальных (интер)акций*

⁶ В таком качестве она позиционируется, например, в [41].

(социосемиотическое и социолингвистическое исследование интеракционных реализаций идентичностей) [47; 48], *мультимодальную этнографию* (сопряжение этнографических подходов с инструментарием социальной семиотики) [27] и др.

Расширенное понимание социальности позволяет осуществить новацию в мультимодальных исследованиях за счет разработки комплексного понимания техник и технологий, одновременно коммуникативных и социальных, то есть «социально сконструированных культурных ресурсов, которые участвуют в создании значащих материалов (meaning materials)» [9, с. 79]. Эти комплексные явления требуют дифференцированного подхода и понимания. Кресс поясняет: «Они являются, во-первых, технологиями *представления* (technologies of representation) — *модусами* (modes), используемыми при изготовлении значащих материалов (meaning materials); во-вторых — технологиями *производства* (technologies of production) как материальных ресурсов вроде ручек, бумаги, приборов (цифровых и не цифровых), так и нематериальных семиотических ресурсов вроде *жанров, фреймов, средств связывания* (cohesive devices), *дискурсов*; в-третьих, они являются технологиями *отображения / дистрибуции / распространения* смыслов-как-сообщений (display / distribution / dissemination of meanings-as-messages), т. е. медиа в широком значении слова, как традиционными, так и новыми. Все это имеет особое влияние на процесс создания текстов-как-сообщений» [9, с. 79–80].

Накопленный за три десятилетия опыт междисциплинарных исследований стал мощным потоком, который вышел далеко за пределы русла социальной семиотики. Он значительно шире и глубже, хотя именно социальная семиотика составляет его стержень. Вместе с тем фактически установки и устремления социальной семиотики реализуются в куда большем числе начинаний, число которых умножается год от года. Достаточно упомянуть помимо мультимодальности такие заметные научные направления, как биосемиотика и киберсемиотика, меметика, биополитика и т. п. Ключом к дальнейшему прогрессу социальной семиотики и составляющих ее ореол научных начинаний, о которых шла речь, является интенсификация трансфера знаний между соответствующими научными традициями, а также конвергенция их теоретико-методологических установок.

Социосемиотическое как функционалистское

Одна из важнейших задач, связанных с развитием трансдисциплинарных взаимодействий социальной семиотики, состоит в том, чтобы обобщить опыт междисциплинарной интеграции трех ведущих потоков функциональных исследований, связанных с социологией и политическими науками, с лингвистикой и с когнитивистикой.⁷

Принято считать, что функциональный подход к изучению общественных процессов и явлений стал доминировать в социальных науках в середине прошлого века с утверждением структурного функционализма и общей теории систем. Это была кульминация длительного процесса, позволившего поставить понятия структуры и функции в основу всего

⁷ К этим трем большим областям с содержательной стороны целесообразно добавить еще одну, четвертую. Это биологические исследования, особенно эволюционная биология и генетика. При всей значимости их придется оставить в стороне, сосредоточив внимание лишь на социально-гуманитарной сфере.

теоретико-методологического строя современной социальной науки или даже науки вообще. Всеобщий энтузиазм, однако, оправдался далеко не в полной мере и быстро сменился критикой функционализма. Важно было насытить проблемные поля исследований конкретной фактурой и деталями. Функции объясняли общие принципы и тренды, но не непосредственно наблюдаемые феномены. И так понятно, что мы в лесу, давайте займемся травинками и листиками, косогородами и буераками. В этом изменении курса проявилось колебание между двумя крайностями. Очищение и абстрагирование с одной стороны, насыщение и конкретизация — с другой. Одновременно и предметов нашего изучения, и наших исследовательских инструментов. Вперед удобно двигаться галсами или, как это называл Карл Поланьи, двойным ходом (double movement) [51; 12; 24].

Ключевая теоретико-методологическая проблема заключается в объяснении того, чем аппарат общей теории систем и структурно-функционального анализа не удовлетворил наших коллег полвека назад. За разного рода контекстуальными упреками и даже вымышленными причинами (дефицит критики, динамики и т. п.) кроется вполне отчетливое методологическое неудовлетворение слишком грубым характером инструментария, который не позволяет, как кажется, осуществить тонкие исследовательские процедуры. Означает ли это, что функционалистский инструментарий не годен в принципе (поспешный вывод, сделанный многими полвека назад) или что он требует наладки, заточки и переделки для более тонкого анализа? Верно скорее второе. Однако просто сказать об этом еще не означает решить проблему. Нужны альтернативы. Где их искать? В практике дисциплин единого комплекса социально-гуманитарных наук, структурируемого двумя условными полюсами. Один полюс акцентирует внимание на чем-то большем, чем отдельные человеческие существа, на чем-то созданном самими людьми или являющемся конвенциональным, на условно социальном. Другой полюс фокусирует наши научные интересы на чем-то принадлежащем всем человеческим существам и каждому из нас «по природе», как будто независимо от наших ухищрений и конвенций, на фундаментально человеческом, гуманитарном. Особенно отчетливо к этому краю тяготеют психология и лингвистика.

Функциональная психология возникла достаточно давно, еще в XIX столетии. Впитав в себя эволюционные идеи Ч. Дарвина и Г. Спенсера, традиции изучения адаптивных функций психики в Германии, она выступила вполне целостным научным направлением в США. Ее ведущими представителями стали У. Джеймс и Дж. Дьюи. Современный функционализм развивается преимущественно в рамках когнитивной психологии. Здесь эстафета функционального анализа передавалась от гештальт-психологии Коффки, Келлера и Вертгеймера через культурно-исторические исследования Пиаже, Выготского и Лурии к моделированию функциональных связей в логике кибернетики.

Эволюционные истоки функциональной и когнитивной психологии во многом определяют современное состояние исследований развития психологических функций как в рамках онтогенеза, так и антропогенеза. Эмпирическую базу изучения психологических и когнитивных функций во многом определяет бурно развивающаяся сейчас нейронаука.

Не менее впечатляющим является развитие функциональных исследований в языкознании. Оно было, пожалуй, еще более разветвленным и мно-

гообразным. Его истоки обычно связывают с традициями, заложенными выдающимися языковедами И.А. Бодуэном де Куртэнэ, Ф. де Соссюром и О. Есперсенем. Своего рода программу лингвистического функционализма сформулировали представители следующего поколения Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой и С.О. Карцевский, которые в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» 1929 года [15] трактовали язык как целенаправленную систему средств выражения. Одновременно выдающийся немецкий психолог Карл Бюлер выдвинул идею трех функций языка — экспрессивной, аппеллятивной и репрезентативной, посвятив последней большую часть своего замечательного труда «Теория языка» [1]. В свою очередь Р.О. Якобсон выделял шесть основных функций речевой коммуникации [18]. Эти функции ориентированы на различные аспекты речевого акта — на говорящего, воспринимающего его адресата, контакта между ними, ситуацию общения, код и собственно сообщение. К настоящему времени в лингвистике сформировался целый ряд функционалистских традиций, которые именуются функциональными грамматиками. Они тесно взаимосвязаны и даже порой пересекаются, но остаются при этом вполне автономными научными школами или даже теоретико-методологическими подходами.

В нашей стране отдельным большим и очень значимым по полученным результатам направлением стала так называемая функциональная стилистика языка. Создателями этой замечательной традиции стали В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.В. Щерба и другие выдающиеся лингвисты. Эта традиция окончательно оформилась в середине 50-х годов после масштабной дискуссии в журнале «Вопросы языкознания»⁸. Фактически данное направление на свой лад предвосхищало развитие дискурс-анализа и социальной семиотики.

В результате всех этих усилий был накоплен богатейший, но крайне разнородный опыт, который сложно даже обзреть, не говоря уж о том, чтобы свести воедино. И именно в этом плане важно обратить внимание на потенциал социальной семиотики, которая как раз начала формироваться как естественный интерфейс между лингвистикой и социальными науками, отчасти затрагивающий также и сферу когнитивистики.

В нынешних условиях мультимодальность заняла положение ядра в пространстве разнообразных социосемиотических проектов. Сохранит ли она это положение? В ближайшие годы — несомненно. Однако когнитивные исследования, а также изучение антропогенеза и онтогенеза человека могут составить ей конкуренцию уже очень скоро. В частности, уже сегодня формируется такое исследовательское направление, как *анализ мультимодальной рецепции*, в рамках которого наработки социальной семиотики и СФ-МДА комбинируются с применением окулографических методов, позаимствованных из области когнитивной науки [40].

В силу того обстоятельства, что сам Майкл Халлидей и его ученики были лингвистами, развитие дальнейших исследований в рамках социальной семиотики привело к тому, что отклонения от изоморфизма социальных и языковых планов рассматривали преимущественно как бы в перспективе взгляда изнутри языка. Возникающая асимметрия была вполне оправдана теми исследовательскими вопросами, которые ставились в социосемиотике,

⁸ Дискуссия была начата Ю.С. Сорокиным [14] и продолжалась в течение 1954 г. Ее итоги подвел В.В. Виноградов в первом номере журнала за 1955 г. [2].

и не создавала существенных методологических проблем. Однако данная асимметрия если и не исключала, то значительно ограничивала возможности анализа от социальных институтов и явлений к их коммуникативным и символическим соответствиям. Можно и нужно развернуть асимметрию и взглянуть в противоположном направлении — изнутри социальных структур вовне, в знаковые системы. Это само по себе было бы крайне значимой новацией. Ее можно было бы усилить за счет комбинирования перспектив изнутри / вовне в их различных версиях и вариантах. Это потребовало бы усвоения непривычного, но крайне выигрышного методологического потенциала, выработки нового исследовательского языка или языков.

Интерпретативистское как социосемиотическое

Социальную семиотику зачастую рассматривают как один из подходов в ряду разнообразных парадигм интерпретативных исследований социальной действительности. Это вполне справедливо. Однако такой взгляд упускает, что она не просто один из исследовательских подходов, но трансдисциплинарная рамка, интегрирующая все множество методологий, имеющих дело с социальными значениями и с интерпретациями. Некоторые исследователи объясняют фрагментированность подходов к качественному анализу социальной действительности тем, будто эти подходы принципиально не поддаются включению в метапарадигму [56, с. XV]. Однако даже они признают, что все качественные методы имеют *интерпретативный* характер. Поскольку всякий процесс интерпретации есть всегда процесс семиотический, для качественных методов анализа метапарадигму предложить все-таки возможно. Ею может стать социальная семиотика.

Такой ход представляется обоснованным в свете того, что сегодня, когда ведут речь о методологическом аппарате социальных наук, его часто описывают в терминах размежевания между количественными и качественными методами, но без внятного содержательного основания. Если с количественными методами ситуация относительно ясна — их можно определить как методы, основанные на аппарате математики [45, р. 1–2], то основания качественных методов оказываются гораздо менее отчетливы. Роль именно такого основания могла бы сыграть семиотика.

Разумеется, если семиотика в полной мере состоит в качестве такого трансдисциплинарного интерпретативистского органа, то это будет уже не та социальная семиотика, которая оформлена сегодня как отдельная дисциплина. При попытке переизобрести социальную семиотику как общую интерпретативистскую методологическую рамку она неизбежно потеряет ряд специфических концептов и методов, станет более абстрактной и приблизится скорее к общей семиотике в духе построений Чарльза Пирса и Чарльза Морриса. В таком виде она не всегда будет достаточна в качестве самостоятельного метода анализа, но зато приобретет другую важную функцию — сможет выступать эффективным посредником между различными интерпретативистскими подходами и обществоведческими дисциплинами.

Понимаемая сегодня в узком значении социальная семиотика как отдельный подход (назовем его «Социальной Семиотикой» с большой буквы), разумеется, продолжит существовать. Речь идет не о том, чтобы вообще избавиться от всех ее специфических понятий и аналитических приемов, а лишь о том, что полезно было бы иметь возможности для курсирования между общей социальной семиотикой («социальной семиотикой» с малень-

кой буквы) как абстрактным аппаратом интерпретативистских методов и конкретными его вариантами, одним из которых будет нынешняя системно-функциональная Социальная Семиотика (см. [4; 5; 8]).

Конечно, наивно было бы ожидать, что сторонники всех многочисленных интерпретативистских парадигм с готовностью согласятся с такой ролью семиотики. Однако это не будет серьезным препятствием, если все необходимые мосты в направлении этих парадигм будут перекинуты со стороны самой семиотики, то есть если самой социальной семиотике удастся усмотреть семиотические концепты и методы за пределами своих собственных дисциплинарных границ.

Два фронта социальной семиотики

В этой статье мы представили краткий обзор ключевых поворотных пунктов в истории формирования социальной семиотики как конвергентного исследовательского направления и наметили точки роста для возможных будущих новаций в этой области. В заключение, обобщая сказанное, можно отметить, что всю логику становления и развития социальной семиотики можно представить в виде продвижения двух фронтов — предметного и методологического.

Первым шагом на траектории предметного фронта стал предпринятый Майклом Халлидеем переход от сугубо лингвистического взгляда на проблемы языка и значения к рассмотрению языка как одновременно и социального, и семиотического явления. Несмотря на то, что в рамках «лингвистического поворота» попытки выработки социологических концепций с учетом структуралистских лингвистических теорий и идей из области аналитической философии предпринимались и до Халлидея, именно ему удалось очертить проблематику и предметное ядро социальной семиотики как самостоятельной дисциплины.

Следующий шаг на пути продвижения предметного фронта связан в первую очередь с именами Боба Ходжа и Гюнтера Кресса, которые расширили обозначенное Халлидеем пространство «социальной интерпретации языка и значения», включив в область рассмотрения социальной семиотики не только вербальные формы общения.

Третьим же шагом стало введение нового термина *модус* для обозначения всех семиотических «языков», которые используются людьми в обществе. Это оказалось важным шагом на пути продвижения предметного фронта социальной семиотики, поскольку фактически предметное поле *мультимодальности* стало тем пространством, где социальная семиотика смогла эффективно взаимодействовать с другими социологическими, лингвистическими и коммуникативистскими субдисциплинами.

Таким образом, в предметном плане социальная семиотика прошла путь от проблематики *языкового как социального* к *семиотическому как социальному* и к *семиотическому как мультимодальному*. Следующим шагом на этой траектории может стать переход к рассмотрению *социального как семиотического*. На деле это может означать, что оптику, сфокусированную на *мультимодальности*, дополнит аппарат, ориентированный на «мультиакциональность», то есть на рассмотрение различных сфер социальной деятельности как специфических форм коммуникации. На уровне микросоциологических изысканий такой процесс уже происходит в форме конвергенции исследований мультимодальности с исследованиями мультиактивности.

Другие направления для продвижения предметного фронта социальной семиотики могут быть связаны также с ее более активным взаимодействием со смежными предметными областями: биосемиотикой, киберсемиотикой, семиотикой культуры, меметикой, биополитикой и т. д. [17].

В логике второго, методологического, фронта можно рассматривать прошлое и будущее социальной семиотики. Его суть состоит в поиске способов интеграции аппарата социальной семиотики с аппаратами других социологических подходов и методов. Развитие социальной семиотики по этому вектору идет менее динамично, однако выше мы наметили две перспективные траектории.

Одна — более активная интеграция системно-функциональной социальной семиотики с другими функционалистскими подходами. Основной точкой приложения усилий здесь могла бы стать интеграция социальной семиотики с тремя ключевыми потоками функциональных исследований — связанных с социологией (и политическими науками), с лингвистикой и с когнитивистикой. При этом важным направлением для расширения методологического арсенала самой социальной семиотики могло бы стать развитие методов, позволяющих изучать крупные, длящиеся во времени и протяженные в пространстве, социальные события.

Другим перспективным направлением на пути продвижения методологического фронта социальной семиотики могла бы стать ее более глубокая интеграция со всем существующим широким комплексом интерпретативистских подходов и качественных методов. Отчасти движение в этом направлении уже происходит в области мультимодальных исследований, однако сейчас в этой сфере социальная семиотика выступает скорее в качестве донора отдельных концептов и методов — в потенциале же она могла бы претендовать на более амбициозную роль трансдисциплинарного методологического интегратора, обеспечив то, что Джон Дили называет «коэноскопическим»⁹ антидотом» [25, р. 31] от интенсивных процессов (суб)дисциплинарной специализации в науках об обществе.

В конечном счете рассуждение о двух фронтах семиотики, о которых мы ведем здесь речь, это продолжение намеченной еще Моррисом программы становления семиотики, во-первых, как «науки в ряду других наук», во-вторых, как унифицирующей науки, «закладающей основу любой частной науки о знаках» [10, с. 38]. И если последовательное расширение предметного фронта социальной семиотики позволило ей уже сегодня стать «наукой в ряду других наук», то предстоящее продвижение методологического фронта будет способствовать ее становлению в качестве фундаментального аппарата частных интерпретативных исследований социальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1993. — 502 с.
2. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

⁹ Под *коэноскопическим* (coenosopic) понимается такое знание, которое является всеобщим (от греч. *Koinós* — общий), в отличие от *идиоскопического* (idioscopic) или специфического, единичного [11, с. 187–188].

3. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 264–389.
4. *Ильин М.В., Авдонин В.С., Фомин И.В.* Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. Вып. 7. С. 5–24.
5. *Ильин М.В., Авдонин В.С., Фомин И.В.* Методологический вызов. Критическая рефлексия. Как не оступиться на поворотах от образной наглядности к научной валидности и обратно? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. Вып. 8. С. 5–11.
6. *Ильин М.В., Фомин И.В.* Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия // Дискурс-Пи. 2018. Т. 32–33. № 3–4. С. 15–24. DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.1524
7. *Ильин М.В., Фомин И.В.* Социальная семиотика: Комплексное изучение функциональных и смысловых сторон общественных процессов и явлений // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. Вып. 8. С. 399–403.
8. *Ильин М.В., Фомин И.В.* Чем и как могут насытить политические исследования математика, семиотика и морфология? // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Политическая наука: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2017. С. 22–47.
9. *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая Наука. 2016. № 3. С. 77–100.
10. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
11. *Пирс Ч.С.* Принципы философии / Пер. с англ. В.В. Кирюшенко и М.В. Колопотина. Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — 224 с.
12. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др.; Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. — 312 с.
13. *Реформатский А.А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–215.
14. *Сорокин Ю.С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.
15. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей / Сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 17–41.
16. Трансдисциплинарные органы гуманитарного знания. Дискуссия на пленарном заседании «Интеграция гуманитарных и естественнонаучных знаний: информационные подходы» Седьмых гуманитарных чтений РГГУ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. Вып. 6. С. 109–117.
17. *Фомин И.В.* Семиотический фронтир: Сквозь глубины веков и границы дисциплин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. Вып. 7. С. 25–37.
18. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Дата поступления: 10.07.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 4. P. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6822

I.V. FOMIN, M.V. ILYIN

National Research University Higher School of Economics; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation.

Ivan V. Fomin — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; research associate, Center for Advanced Methods, INION RAS. **Address:** 15, bl. 2, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 124-37-83. **Email:** fomin.i@gmail.com

Mikhail V. Ilyin — Doctor of Political Sciences, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methods, INION RAS. **Address:** 20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 771-32-32. **Email:** mikhaililyin48@gmail.com

SOCIAL SEMIOTICS:

PATHS TOWARDS INTEGRATING SOCIAL AND SEMIOTIC KNOWLEDGE

Abstract. This article outlines major trends in the development of social semiotics during the last four decades of its existence. The starting point was the interface between functional analysis of the semiotic system of language and the structural interpretation of language as a social system. Their convergence provided the basis for further developing an interdisciplinary domain of social semiotics. Michael Halliday's book "Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning" (1978) gave an initial impetus to exploring the interface of semiotic and social. Ten years later his approach was reinterpreted by Bob Hodge and Gunther Kress in "Social Semiotics" (1988). They suggested that both the social and semiotic nature of language had a broader significance and extends to the entire domain of human activity and existence. Thus, social semiotic (in singular) of language was enhanced into all-embracing social semiotics (in plural). This article further examines linguistic as socio-semiotic, semiotic as social, semiotic as multimodal, socio-semiotic as functional, interpretative as socio-semiotic. The article outlines two frontiers of social semiotics, that of its subject matter and that of its methodological dimension. Finally, the article focuses on current challenges faced by social semiotics, particularly those relevant to sociology.

Keywords: social semiotics; multimodality; multidisciplinary; discourse; social practices; social interactions; social research.

For citation: Fomin I.V., Ilyin M.V. Social Semiotics: Paths towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6822

This research was funded by the Russian Science Foundation grant 17-18-01536.

REFERENCES

1. Byuler K. Theory of language. Representative language feature. [Russ. ed: *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka*. Transl. from Germ. Moscow: Progress publ., 1993. 502 p.]
2. Vinogradov V.V. Results of the discussion of stylistics issues. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1955. No. 1. P. 60–87. (In Russ.)
3. El'mslev L. Prolegomes to the theory of language. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow: Progress publ., 1960. Iss. 1. P. 264–389. (In Russ.)
4. Il'in M.V., Avdonin V.S., Fomin I.V. Methodological challenge. What are restrains of method application? What are the criteria of its success? *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. [METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences.] 2017. Iss. 7. P. 5–24. (In Russ.)
5. Il'in M.V., Avdonin V.S., Fomin I.V. Methodological challenge. Critical reflection. How to keep balance at the curves from visual perception to scientific validity and back? *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. [METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences.] 2018. Iss. 8. P. 5–11. (In Russ.)
6. Il'in M.V., Fomin I.V. Social semiotics: study of discourses and practices of social interaction. *Diskurs-Pi*. 2018. Vol. 32–33. No. 3–4. P. 15–24. (In Russ.) DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.1524
7. Il'in M.V., Fomin I.V. Social semiotics: Complex study of functional and meaningful aspects of social processes and phenomena. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. [METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences.] 2018. Iss. 8. P. 399–403. (In Russ.)
8. Il'in M.V., Fomin I.V. What can mathematics, semiotics and morphology contribute to saturate political research? *Politicheskaya refleksiya, teoriya i metodologiya nauchnykh issledovaniy. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik*. [Political reflection, theory and methodology of scientific research. Political science: Yearbook.] Moscow: ROSSPEN publ., 2017. P. 22–47. (In Russ.)

9. Kress G. Social semiotics and the challenge of multimodality. *Politicheskaya Nauka*. 2016. No. 3. P. 77–100. (In Russ.)
10. Morris Ch.U. Foundations of the Theory of Signs. *Semiotika*. [Semiotics.] Moscow: Raduga publ., 1983. P. 37–89. (In Russ.)
11. Pirs Ch.S. Principles of Philosophy. [Russ. ed.: *Printsipy filosofii*. Transl. from Eng. V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. Vol. 1. St Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo publ., 2001. 224 p.]
12. Polan'i K. Velikaya transformatsiya: Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni. [Russ. ed.: *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Transl. from Eng. by A.A. Vasil'ev, et al.; Ed. by S.E. Fedorov. St Petersburg: Aleteiya publ., 2002. 312 p.]
13. Reformatskii A.A. On recoding and transformation of communicative systems. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii*. [Studies in structural typology.] Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR publ., 1963. P. 208–215. (In Russ.)
14. Sorokin Yu.S. On the main concepts of stylistics. *Voprosy yazykoznanija*. 1954. No. 2. P. 68–82. (In Russ.)
15. Theses of the Prague linguistic circle. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: Sbornik statei*. [Prague linguistic circle. Collection of essays.] Select., ed. and foreword by N.A. Kondrashov. Moscow: Progress publ., 1967. P. 17–41. (In Russ.)
16. Transdisciplinary organons of humanities. Discussion at a plenary session “Integration of humanities and science: information viewpoints”. The Seventh humanitarian readings of RSUH. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. [METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences.] 2016. Iss. 6. P. 109–117. (In Russ.)
17. Fomin I.V. Semiotic frontier: Through centuries and across disciplines. *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. [METHOD: Moscow Yearbook of works from social sciences.] 2017. Iss. 7. P. 25–37. (In Russ.)
18. Jakobson R.O. Linguistics and poetics. *Strukturalizm: “za” i “protiv”*. [Structuralism: Pro et contra.] Moscow: Progress publ., 1975. P. 193–230. (In Russ.)
19. Austin J.L., Urmson J.O. *How to do things with words: the William James lectures delivered at Harvard University in 1955*. L.: Oxford University Press, 1962. 166 p. DOI: 10.1111/j.1468-0149.1963.tb00768.x
20. Barthes R. *Mythologies*. Paris: Editions du Seuil, 1957. 267 p.
21. Bateman J.A. Using multimodal corpora for empirical research. *The Routledge handbook of multimodal analysis*. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2014. P. 238–252.
22. Bateman J.A., Wildfeuer J., Hiippala T. *Multimodality: foundations, research and analysis a problem-oriented introduction*. Boston: De Gruyter/Mouton, 2017. 415 p. DOI: 10.1515/9783110479898
23. Bezemer J.J., Kress G.R. Multimodality, learning and communication: a social semiotic frame. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 157 p. DOI: 10.4324/9781315687537
24. Block F. Polanyi's Double Movement and the Reconstruction of Critical Theory. *Revue Interventions économiques. Papers in Political Economy*. 2008. No. 38. P. 1–17. DOI: 10.4000/interventionseconomiques.274
25. Deely J. Semiotics “today”: The twentieth-century founding and twenty-first-century prospects. *International handbook of semiotics*. Dordrecht: Springer, 2015. P. 29–114. DOI: 10.1007/978-94-017-9404-6_2
26. Fairclough N. *Language and power*. L.; N.Y.: Longman, 1989. 259 p.
27. Flewitt R. Bringing ethnography to a multimodal investigation of early literacy in a digital age. *Qualitative Research*. Ed. by B. Dicks, et al. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 293–310. DOI: 10.1177/1468794111399838
28. Foucault M. *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard, 2005. 400 p. DOI: 10.1522/24902275
29. Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. No. 10. P. 1489–1522. DOI: 10.1016/s0378-2166(99)00096-x
30. Goodwin C. The interactive construction of a sentence in natural conversation. *Everyday language: Studies in ethnomethodology*. N.Y.: Irvington Publishers, 1979. P. 97–121.
31. Haddington P. [et al.] Towards multiactivity as a social and interactional phenomenon. *Multiactivity in Social Interaction*. Ed. by P. Haddington, et al. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 3–32. DOI: 10.1075/z.187.01had
32. Halliday M.A.K. An Interpretation of the Functional Relationship Between Language and Social Structure (1978). *Language and Society*. Vol. 10. Bloomsbury Academic, 2007. P. 251–264.
33. Halliday M.A.K. Categories of the Theory of Grammar. *Word*. 1961. Vol. 17. No. 2. P. 241–292.
34. Halliday M.A.K. *Explorations in the functions language*. L.: Edward Arnold, 1973. 140 p.
35. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. L.: Arnold, 1978. 256 p. DOI: 10.1017/s004740450000782x

36. Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. *Halliday's introduction to functional grammar*. Abingdon: Routledge, 2013. 786 p.
37. Hindmarsh J., Heath C. Video-Based Studies of Work Practice. *Sociology Compass*. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 156–173. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2007.00012.x
38. Hjelmslev L. *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*. København: B. Lunos bogtrykkeri a/s, 1943. 216 p.
39. Hodge B., Kress G.R. *Social semiotics*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988. 285 p.
40. Holsanova J. New methods for studying visual communication and multimodal integration. *Visual Communication*. 2012. Vol. 11. No. 3. P. 251–257. DOI: 10.1177/1470412912446558
41. Jewitt C., Bezemer J.J., O'Halloran K.L. *Introducing multimodality*. L.; N.Y.: Routledge, 2016. 219 p.
42. Kress G.R. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. L.; N.Y.: Routledge, 2010. 212 p.
43. Kress G.R., Van Leeuwen T. *Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication*. L.; N.Y.: Arnold ; Oxford University Press, 2001. 142 p. DOI: 10.1017/s0047404504221054
44. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. L.: Verso, 1985. 197 p. DOI: 10.1177/072551368701600118
45. Muijs D. *Doing Quantitative Research in Education with SPSS*. L.: SAGE Publications Ltd, 2011. 247 p.
46. *Multimodal discourse analysis: Systemic-functional perspectives*. Ed. by K.L. O'Halloran. L.; N.Y.: Continuum, 2004. 252 p.
47. Norris S. *Analyzing multimodal interaction: a methodological framework*. N.Y.: Routledge, 2004. 177 p.
48. Norris S. *Identity in (inter)action: introducing multimodal interaction analysis*. Berlin ; N.Y.: De Gruyter Mouton, 2011. 298 p.
49. Peirce C.S. et al. *The essential Peirce: Selected philosophical writings. Vol. 1*. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 399 p.
50. Peirce C.S. et al. *The essential Peirce: Selected philosophical writings. Vol. 2*. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 625 p.
51. Polanyi K. *The great transformation*. N.Y.: Farrar & Rinehart, 1944. 305 p.
52. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation. *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4. P. 696–735. DOI: 10.1353/lan.1974.0010
53. Saussure F. de *Cours de Linguistique Générale*. Publié par Ch. Bally et A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. Paris: Payot, 1995. 520 p. DOI: 10.1093/fs/50.1.109-a
54. Scollon R., Scollon S.W. *Discourses in Place: Language in the material world*. Abingdon, UK: Taylor & Francis, 2003. 258 p. DOI: 10.4324/9780203422724
55. Searle J.R. How Performatives Work. *Linguistics and Philosophy*. 1989. Vol. 12. No. 5. P. 535–558.
56. *The SAGE handbook of qualitative research*. 3rd ed. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. 1210 p. DOI: 10.1108/09504120610655394
57. Wittgenstein L., Schulte J. *Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2017. 299 p. (In Germ.)
58. Zolyan S. General sociolinguistics, social semiotics and semiotics culture — Ex pluribus unum? *Sign Systems Studies* (forthcoming).

Received: 10.07.2019.
